

СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ КУЛЬТОМ, ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ У НАРОДОВ БАШКИРИИ *

Афанасий Бежкович

УДК 398.332.33(470.57)

Материал этой статьи был собран автором во время работы в Башкирской экспедиции АН СССР в 1929 г., под общим руководством С. И. Руденко, и территориально относится к восточной части быв. Уфимского кантона **. Эта статья нигде не печаталась, так как в советской этнографии почти три десятилетия были временем вынужденного пассивного отношения к тематике первобытных верований. «Среди части ученых-марксистов, работавших и работающих в этой области, существует мнение, хотя, может быть, и не всегда осознанное, что изучать историю религии, собственно говоря нечего, все уже сделано, все вопросы решены, все проблемы разъяснены в трудах классиков марксизма» ***. На долю этнографов остается лишь иллюстрировать новым фактическим материалом мысли Энгельса, Ленина.

В атеистической пропаганде господствовал упрощенный взгляд на религию, как на «опий» для народа или «религиозный дурман». «Многие из прежних научных теорий, с позиций которых велась и порой ведется атеистическая пропаганда, устарели и не выполняют своей роли» ****. Новых же теорий, научно объясняющих религии и примитивные

верования, еще нет. Существовавший в науке догматизм был непреодолимым препятствием в поисках новых объяснений — что такое религия, каковы причины, породившие ее, и что способствует такому длительному существованию, как примитивных верований, так и современных официальных монотеистических религий: христианства, ислама, иудаизма, буддизма.

В данной статье остановимся лишь на изучении культов, поверий и обрядов, связанных с метеорологической магией, и в частности на магии вызывания дождя, а также коснемся обрядов, связанных с посевом, уборкой хлебов, болезнями скота.

В задачу этнографического отряда входило изучение сельскохозяйственного комплекса производства (земледелия и скотоводства). В земледелии изучались следующие циклы работ: пахота, посев и боронование; уход за полевыми культурами; жатва; молотья и веяние; агротехнические знания крестьян; культы и обряды по этим видам труда. В скотоводстве также велось исследование труда человека по выращиванию животных и уход[у] за ними, завершалось изучением скотоводческих культов и обрядов. Верования земледельцев и скотоводов изучались не в отрыве от производства, а вместе с ним. В 1927 году такую комплексную работу мы провели в Казахстане у украинцев-переселенцев ***** , а в 1928 г. — в Киргизстане *****. Сейчас об этом методе ведения полевых работ при изучении земледелия и скотоводства следует вспомнить

* Матеріал зберігається в Архівних наукових фондах рукописів та фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України (ф. 51-3, од. зб. 48, 22 арк.). Ця публікація є продовженням започаткованої серії рукописних праць О. Бежковича. — *Редкол.*

** Тогда административно Башкирская АССР делилась на кантоны, равные примерно уездам.

*** От редакции сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 4.

**** Там же, стр. 5–6.

***** См. сб. «Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии». Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 15–98, 99–178 и 223–253.

***** Рукопись еще не издана.

в связи с открывшейся дискуссией по вопросу агроэтнографических исследований*.

Для правильного понимания психического состояния земельной общины, прибегающей к культам и обрядам, необходимо учесть причины, побудившие людей совершить коллективное моление о дожде. А причины эти бывают: отсутствие дождя более или менее продолжительное время и когда засуха, на глазах у крестьян, губит их единственный источник существования — посе́вы (побуждает совершать коллективное моление о дожде). Хорошо известно с какой любовью крестьяне говорят о хорошем состоянии хлебов и с какой горечью делятся впечатлением о засыхающих хлебах... О засухе хорошо написано у Салтыкова-Щедрина: «Небо раскалилось и целым ливнем зноя обдавало все живущее: в воздухе замечалось словно дрожание и пахло гарью; земля трескалась и сделалась тверда, как камень, так что ни сохой, ни даже заступом взять ее было невозможно; яровые совсем не взошли, и засеянные ими поля черные, словно смоль, удручая взоры обывателей безнадежною наготою»...

Крестьяне знают, что люди могут сделать многое. А вот дождя сделать не могут. Это сверх их сил и способностей. Сознвая свое бессилие и беспомощность, крестьяне, будь они язычниками, христианами или мусульманами, обращаются к сверхъестественным силам. Для этого они совершают, в зависимости от того на каком культурном уровне находятся, те или иные обряды, по традиции, сложившейся у них, — моления, молебны и прочие церемонии, которые, по их убеждению, могут вызвать дождь. Там же, где земледелец умеет обеспечить свои растения водою, как это бывает в районах поливного земледелия, там человек никогда не обращается к богу с просьбой о дожде.

Хорошо известно, что чем примитивнее культура, тем наивнее и проще те средства,

которыми человек пытается воздействовать на природу. Этническое и культурное разномыслие исследованного района дает нам в руки богатый фактический материал, подтверждающий сказанное. Начнем с земледельческих производственных культов — обрядов и поверий, точным исполнением которых земледельцы стараются создать наиболее благоприятные метеорологические условия для урожая, наивно верят в успех и магическую силу их.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ, ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ

У башкир существовал обычай, по которому в первый день посева пахарь брал с собою вареные яйца и, чтобы хорошо уродился хлеб, раздавал их всем встречающимся на его пути в поле. Или же пекли что-либо вкусное, например *буурсаки*, и одну часть их давали мулле, а другую — раздавали бедным.

Чуваши перед первым выездом на пахоту непременно мылись в бане. Этот обряд омоложения у них совершался перед началом и других важных хозяйственных работ. Кроме того, если пахали под гречиху, то в первую борозду клали сырое куриное яйцо, чтобы, на счастье кур, хорошо уродилась гречиха, которой здесь кормят эту птицу.

У русских, украинцев, белоруссов и мари посевной обряд выражался только в символическом освящении семян, которое совершали 1 августа (по ст. ст.) в церквях; святили только около 3—4 кг зерен, предназначенных на посев. Освященное зерно смешивали со всем посевным зерном и считали, что оно тоже превращается в освященное.

Чтобы избавиться от засухи, население выполняло ряд обрядов, могущих, по его убеждению, вызвать дождь. Башкиры деревни Тобакачево по случаю засухи весной 1929 года организовали общественное моление: собрали 15 голов овец, 3 телки, зарезали их и пригласили к себе население других аулов (Темирбаево, Абзаново, Узунларово, Кумерлы, Кызыларово и др.) на совершение

* Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. «Сов. Этнография», 1967 г., № 1.

общей молитвы и обед. Но, чтобы молитва была услышана аллахом, скот заперли в загонках, не давали ему корма и воды первую половину дня — проголодавшаяся скотина редела. Башкиры этим ревом животных хотели вызвать сожаление у аллаха, пославшего засуху. Кроме этого в ход было пущено более сильное средство, а именно: они не давали пищи и малым детям, в том числе и грудным, заставляя их голодать и плакать. Этот детский плач должен был, по мнению башкир, показать аллаху, что недород хлеба и травы отразится и на детях, ни в чем не повинных. Башкиры надеялись, что аллах изменит свое суровое решение наказать грешников и пошлет на землю дождь. Молились аллаху под маза-ром (священное дерево). Затем все собравшиеся обедали и шли на поля. Башкиры уверяли, что после этой молитвы пошел дождь.

В другом районе в сел. Старо-Кубово, тоже у башкир, чтобы вызвать дождь, существовал другой обряд. Состоял он в том, что несколько человек инициаторов ходили по дворам, собирали яйца, масло и пшено, потом шли к речке, варили там кашу, ели и затем бросали друг друга в речку — купались в одежде. Кроме того, в том же селе практиковался обряд обливания друг друга водою. Об этом обряде первобытной магии следует сказать, что он вообще широко распространен и встречается в разных местах земного шара и у самых различных народов.

Анализируя эти культы и обряды, убеждаемся, что они являются древними домусульманскими верованиями башкир. Хотя в этих обрядах упоминается имя аллаха, но обращение с ним не мусульманское, а чисто языческое. Башкиры, как и все мусульмане, считают аллаха всевидящим и всемогущим, но в указанных обрядах, создавая инсценировку с голодными детьми и скотом, поступают с ним, как с невидящим, которого легко можно обмануть.

Видимо башкиры из Тобакачево не пригласили муллу на это общественное моление о дожде, т. к. оно не было мусульманским,

а более древним — языческим. Аналогичный случай нам довелось в 1924 г. записать у адыгейского племени шапсугов в ауле Карповском, на Черноморском побережье *. Шапсуги совершали коллективное моление о дожде тоже без участия муллы. Они как мусульмане, собирая людей на моление, призывали их именем аллаха, хотя обряд совершали по древнему адыгейскому верованию — богу грома «шибле». По словам шапсугов, мулла плохо относится к «шибле» и потому его не пригласили.

Другой случай моления башкир о дожде (с. Старокубово) также совершался без муллы. Это был совместный обед и купание в одежде. Купание в одежде является чисто магическим приемом: «схожими действиями вызывать схожие явления». Молящиеся показывали, что они мокрые до ниточки, как это бывает во время хорошего проливного дождя.

Несмотря на тысячелетнее влияние ислама на башкир, элементы древних верований сохранились у них до коллективизации. Это подтверждается и в башкирских сказках и поверьях, собранных С. И. Руденко в начале текущего столетия и теперь публикуемых **.

ЧУВАШСКИЕ КУЛЬТЫ, ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ

Чуваши (сел. Чуваш-Кубово) в 1922 г., когда долго не было дождя и чтобы вызвать его, убивали змей и вешали их на осину. По их представлению, змея — воплощение нечистой силы или же близко знается с ней, поэтому обладает средствами воздействия на дождь и может, в зависимости от своего отношения к людям, лишить их дождя. Чуваши, убивая змей и вешая их на осину, думали этим вызвать дождь. Змея у многих народов является воплощением нечистой силы и поэтому может вредить людям, даже отво-

* А. Бай (мой псевдоним). Молодые черкесы. Сб. «Обновленная деревня» под ред. В. Г. Тан-Богораза. Л., 1925, стр. 155.

** С. И. Руденко. Башкирские сказки и поверья. Л., 1967.

дять дождевые тучи. Чтобы предотвратить такое зловредное действие змей, чувашаи убивали их. Вешание же на осину объясняется видимо тем, что осина, и особенно осинový кол, играют большую роль во многих поверьях, связанных с вызыванием дождя. Осинový кол вбивают в могилу «нечистых покойников» (колдунов, ведьм, самоубийц и т. п.). Делается это для того, чтобы такой покойник не вышел бы из могилы. Труп такого покойника прокалывали осинovým колом. Люди были убеждены, что после этого колдун больше не выйдет из могилы.

Возникает вопрос почему вбивают осинový кол, а не какой-либо другой? Или почему чувашаи убитых змей вешают на осину, а не на другое какое-либо дерево? Очевидно потому, что осина — это дерево водолюбивое. Осина лучше всего растет в болотистых или очень влажных местах. Влага, вода всегда, в силу магического воздействия, играет ту или иную роль в обрядах о дожде.

В 1922 году и в том же селе, чувашаи заметили, что у петухов и кур перья на хвостах начали ломаться. Они решили, что их птицу кто-то заколдовал и поэтому-то нет так долго дождя. Чтобы снять это колдовство, население решило принести петухов в жертву «керемети» (дохристианскому богу чувашей, чтимому ими). Жертвоприношение это заключалось в том, что внутренности и перо зарезанных петухов бросали в речку Чук-Серма, а мясо — ели сами. Рассказывали, что в это время вся речка была покрыта перьями.

В 1919 году в том же селе был случай самосуда над одной супружеской четой, уличенной в воровстве. В 1922 году, когда не было долго дождя, это вспомнили и решили, что убитые мстят селу. Воры, как равно колдуны и ведьмы, по представлению чувашей, имеют дело с нечистой силой и поэтому при ее помощи могут насылать бедствия. Чтобы избавиться от этого бедствия, девушки села в самый жаркий день и самое жаркое время дня носили ведрами воду и лили на могилы этих покойников. Ведра для этого брали

самые худые, которых не жалко было. Вылил сорок ведер воды на могилы, они оставили свои ведра там, а сами купались в одежде в речке, обмываясь от той нечисти, которая якобы могла пристать к ним.

Представление чувашей о колдунах, ведьмах и ворах как зловредных и опасных людях, знающих со злыми духами или нечистой силой, распространено у многих народов. В 1927 г., во время работ в Казахской экспедиции АН СССР, мы записали аналогичные представления о колдунах и ведьмах у татар, русских и украинцев *. Целый ряд подобных фактов приведен Д. К. Зелениным **. Бытование этих представлений имеет свою географию распространения. Это области периодически страдающие от засухи, каковы, в частности, юго-восток России и южная Украина. Одинаковые условия климата и бедствий породили одинаковые культы и поверья, но различные по обрядности. Различия эти носят этнические особенности. В 1922 году во время засухи население решило, что бедствие постигло их потому, что через Чуваш-Кубово перевезли тело самоубийцы, по их мнению, нечистого мертвеца. Чтобы очистить село от этого осквернения, женщины «мыли», т. е. обливали колодезной водой, деревенские ворота, через которые провозили покойника.

Этот случай аналогичен предыдущему; отличительной особенностью его является лишь то, что чувашаи считают и самоубийц нечистыми покойниками, при жизни знавшими с нечистой силой, и, следовательно, могущих мстить людям, причинять им бедствия вроде засухи. Подобный взгляд на самоубийц раньше существовал у русских *** и украинцев ****. Поскольку это мировоззрение распространено

* А. С. Бежкович. Земледелие украинцев-переселенцев Семипалатинской губернии. Сб. «Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии». Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 82.

** Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916, стр. 67–76.

*** Д. К. Зеленин, ук. соч., стр. 1–2.

**** П. П. Чубинский. Труды экспедиции в Юго-Запад. край. Т. IV. Спб., 1877, стр. 712.

и у украинцев, географически не соприкасающихся с чувашами, надо полагать, что оно возникло в славянской среде, а затем распространилось к чувашам. У русских и украинцев это мировоззрение уже приобрело христианскую окраску, о чем имеется указание у Афанасьева *. Украинцы быв. Переяславского уезда Полтавской губернии считали «грехом упоминать их (самоубийц) в заупокойной молитве, не записывают их имен в “грамотки” (поминальницы) в уверенности, что душа самоубийцы уже погибла навеки, и сколько ни молись о нем, молитва не только не умилистит бога, а напротив — прогневает его» **.

У чувашей такого христианизированного толкования мы не обнаружили. Нас убеждает это в том, что у них это мировоззрение появилось позже, возможно под влиянием христианства, которое принято чувашами от русских.

В том же 1922 году и в том же селе во время засухи девушки украли у своего односельчанина котел и на веревке опустили его в колодец другого односельчанина. Хозяин, обнаруживший в своем колодце этот котел, никому об этом не должен говорить. Если котел будет найден самим владельцем, то дождь пойдет, а в противном случае — дождя не будет. Крадут котел обычно у самого безбожного и распутного человека в селе.

Для вызывания дождя у тех же чувашей был другой обряд, который обычно выполняется женщинами совместно с детьми. Он состоит в том, что женщины, одевшись по-праздничному, ходят по дворам и собирают пшено и масло, затем идут к речке и варят там кашу. Затем женщины молятся, выстроив впереди себя всех детей. После молитвы в речку окунают три раза шерсть, специально приготовленную для этой цели, черной овцы. Затем, глядя на восток, ее отряхивают. После этого все садятся и едят кашу, при этом за детьми строго наблюдают, чтобы они не кро-

шили пищи. После еды все бросаются в речку и купаются в одежде.

Это чисто магический прием воздействия человека на природу. Черная шерсть в данном примере изображает черную дождевую тучу, а отряхивание ее инсценирует дождь. Поедание специально сваренной тут же на берегу речки каши, видимо, изображает жертвоприношение духам, оказавшим людям услугу в выпадении дождя. У адыгейцев (черкесов) это так и понимается: «ели хлеб и сыр, а остатки бросили в море — кормили бога грома, чтобы он им дал дождь» ***.

У тех же чувашей для того, чтобы пошел дождь, существует и другой обряд, который состоит в том, что население обливает друг друга водой из ведер. Начинают это подростки, затем присоединяются к этому обряду девицы и женщины, а в конце концов принимает участие и мужское население. Этот обряд обливания бытует у мари и татар. Не так давно он существовал у русских, украинцев и белоруссов. Обряд этот распространен широко и бытовал у народов разных этнических и языковых групп, разных по культуре и религии. Это, видимо, древнейший обряд вызывания дождя магическими приемами.

Если не бывает долго дождя, то русские, мари, а иногда украинцы и белоруссы совершают молебен — ходят с иконами, хоругвями и священником по полям. Русские крестьяне соседних сел Архангельского и Зилим в засушливый 1922 год выходили с иконами, хоругвями и священниками на свои поля, затем, объединившись на меже сельских земельных угодий, совершив там совместный молебен, поставили деревянный крест и дали обет богу ежегодно весною собираться на этом месте и молиться. Не трудно убедиться, что церковь позаимствовала этот обряд у более древних верований. Церковь обставила его богатыми атрибутами христианства: иконами, хоругвями, чтением молитв, окраплением полей «святой» водой и т. д. Молебны организовывались

* А. Н. Афанасьев. Поэтическое воззрение славян на природу. Т. III, стр. 565.

** П. П. Чубинский, ук. соч., стр. 712.

*** А. Бай (А. С. Бежкович), ук. соч., стр. 155.

не только по случаю засухи, но и при малейшем запоздании выпадения дождя. К ним прибежали и в случае появления вредителей на полях. Иногда молебны превращались в обязательные «агротехнические» мероприятия. Их устраивали вскоре после окончания весеннего сева, в хорошую сухую погоду, когда удобно было ходить по полям.

В 1928 г., во время работ в Киргизской экспедиции АН СССР, нам довелось записать информацию крестьянина с. Лебединка Г. Овчинникова: «Киргизы справлялись у нас скоро-ли мы пойдем в степь и понесем свои красивые вещи, то есть иконы и хоругви. Когда русские спрашивали киргизов зачем им это надо знать, то они отвечали: “Мы тоже будем молиться своему богу, что бы он вместе с вашим богом послал нам дождь”».

Обряды и поверья, связанные с жатвой хлебов

У чувашей после окончания жатвы работницы садятся на последние сжатые снопы и просят у полосы вернуть им силу, которую они затратили, работая на ней, — говорят: «ана (полоса) вайма (сила) пар (дай)». Этот сельскохозяйственный обычай раньше был широко распространен у русских. По окончании жатвы жница каталась по полю, приговаривала: «жница, жница, отдай мою силу». Поле, нива, как и «мать сыра земля», в примитивных верованиях одухотворяется. Получить обратно свою силу можно, совершая обряд катания по полю. Чтобы этот обряд сохранился из поколения в поколение, надо, очевидно, ощущать возврат затраченной силы. Во время жатвы у жницы особенно уставали руки и поясица. Прodelав катание по ниве, жница совершала своего рода разминку — гимнастику, возможно, что после этого у нее создавалось впечатление возврата утраченной силы.

Белоруссы, когда кончали жать рожь, то последние колосья срезали и связывали в пучек — «цветку», которую потом несли в день Успения (в августе по ст. ст.) в церковь и святили. Русские первый сноп несут во

двор и дают курам, чтобы они хорошо несли яйца; кончив жатву, оставляют несколько несжатых колосьев, связывают их в пучек и оставляют на полосе: «это Илье-пророку на бородку». Мари так же оставляют «Илье-пророку на бородку».

Обычай завязывать «Николину» или «Ильину» бородку был раньше широко распространен во многих местах старой русской и украинской деревни. По окончании жатвы оставляли на поле несколько колосьев несжатой ржи, связывали их и, в некоторых местах, ставили около них «жертвоприношения»: поливали водой, клали куски хлеба и сала на тряпочке, изображавшей скатерть. И в данном случае поле одухотворялось. Дух же поля относился не к злым, а добрым духам, у которого с земледельцем были хорошие взаимоотношения. Это древние, дохристианские, элементы верования, которые относятся к аниматизму*.

Украинцы начинали жатву только в «легкие» дни: вторник, среду, пятницу и субботу, первый сжатый сноп несли в «хату», ставили на покуть — в красный угол — и держали его там до посева, а затем обмолачивали и сеяли.

Обычай придавать особое значение первому снопу, получившего наименование «зажиночного снопа», сложился, видимо, очень давно — в дохристианский период сельскохозяйственных верований. Этому снопу обычно приписывается магическая сила: раньше во время молотбы его первым сажали в овин, зернами от него начинали посев. Он являлся, как бы продолжателем рода, жизни ржи, пшеницы. Обряд «зажиночного снопа», или «зажинок», был широко распространен у восточных славян, имел различные вариации. В некоторых местах, зерно этого снопа несли в церковь для освящения и затем сеяли. Это уже более поздние христианские наслоения. Обычно обряд «зажин», начало жатвы, сопровождался песнями жниц и «мирским» пиром, организованным в складчину.

* Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 193[?], стр. 277.

У латышей, башкир и татар поверий, связанных с жатвой, мы не наблюдали. Иногда башкиры предпринимали меры против болезней сельскохозяйственных растений. В 1929 г. в ауле Тобакачево, мы сфотографировали такой прием борьбы. Он состоит в том, что сноп картофельной ботвы, пораженный болезнью, привязывали к шесту, равному по высоте минарету, и водружали его у входа в мечеть. Делалось это с согласия муллы.

В заключение этого перечня земледельческих культов — обрядов и поверий — приведем еще поверье из метеорологической магии, существовавшее у чувашей. В с. Чуваш-Кубово нам удалось записать поверье, направленное на предупреждение ветра. В этом селе установился обычай ежегодно на Пасху устраивать на площади качели для развлечения детей и молодежи. С какой пунктуальностью строили качели на Пасху, с такой же аккуратностью их снимали на «Троицын день». Чувашаи уверены, что если они не снимут качелей в этот день и оставят их качаться на ветру на более продолжительный срок, то они, раскачиваясь сами по себе на ветру, неизбежно своим действием вызовут ветер на будущий год. Поэтому ветренную погоду прошлого лета (1929) чувашаи объясняли своей оплошностью, что они в прошлом (1928) году своевременно не сняли качелей, оставили их висеть все лето. «Вот они накликали нам ветер», — говорили они.

СКОТОВОДЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ И ОБРЯДЫ

В скотоводстве человек прибегает к религиозным и магическим средствам не только для того, чтобы скот хорошо размножался и увеличивал бы богатство хозяина, но и для предупреждения заболеваний, а если это случится, то и лечения животных от эпизооти[и] и прочих болезней.

Скотоводческих производственных культов мы обнаружили значительно меньше, чем земледельческих. Нам удалось записать их только у чувашей и башкир.

Чувашаи весной, в первый день выгона стада на пастбище, чтобы скот не болел, бьют его прутиками вербы, принесенной из церкви в вербное воскресенье. Если на скот придет падеж, то считают, что кто-то наслал это бедствие, и чтобы спастись от него, девушки ночью опаживают село. Кроме того, во время сильного падежа скота всем обществом совершают так называемый «мон-чук» (большое молебствие). Покупают для этого быка, режут его у реки, там же варят мясо и пекут из пресного теста лепешки — «юсман-пусман», затем один старик молится, держа шапку под мышкой, после молитвы мясо и лепешки съедают, а кости бросают в реку. Если и это не помогает, то для прекращения падежа прогоняют весь скот и все население проходит через «земляные ворота». Техника сооружения ворот состоит в том, что роют в земле глубокий проход, затем делают перекрытие, под которым проходит скот и люди. Несколько человек, вооруженных ружьями, стоя на «воротах», непрерывно стреляют, отгоняя этим болезнь, которая, боясь выстрелов, остается у ворот. Скот и люди, освободившись от болезни, проходят «ворота». И над павшими животными чувашаи тоже стреляют из ружей.

Башкиры, для изгнания болезни и для умножения скота, вешают косу, непременно острием вверх, в загоне или сарае, где стоит скотина. Причем, для более успешного воздействия этого предмета на эпизоотию, косу дают мулле, чтобы он сделал надписи. Что пишет мулла на косе никто не знает, так как он предупреждает, что если надпись будет прочитана, то она теряет свою силу и не окажет желаемого воздействия.

Подытоживая изучение культов и обрядов у народов Башкирии, прежде всего следует отметить существование в недалеком прошлом двоеверия. Башкиры, татары, официально исповедующие ислам, в то же время прибегают к домусульманским культам и обрядам. Точно также русские, украинцы, а иногда и белоруссы, и довольно часто чувашаи, исповедующие христианство, обращались к старинным языческим

культам и обрядам, к так называемой «черной вере». Одни народы (башкиры, чувашаи) чаще обращались к языческим культурам и обрядам; другие (русские, украинцы, белоруссы, татары) — реже, так как они больше доверяли богам своих религий, чем языческому пантеону.

Все это объясняется двумя факторами: 1) Прежде всего тем, что русские, украинцы и белоруссы находятся более 1000 лет под интенсивным влиянием христианства, которое вело упорную и длительную борьбу с демонологией, применяя иногда очень крутые меры, включительно до сожжения колдунов, ведьм и прочих носителей и хранителей «черной веры»*. Это способствовало более успешному изживанию демонологии, называемой церковью «нечистой силой», и замещению языческой обрядности христианской. Несмотря на это, в христианских обрядах легко узнать языческую основу, в той или иной степени христианизированную. Татары, как более древние мусульмане, чем башкиры, остаются хранителями и распространителями ислама на Поволжье и в Зауралье.

2) Вторым фактором, способствовавшим сохранению двоеверия, является культурный уровень того или иного народа. Более культурные народы (русские, украинцы, белоруссы, татары) больше привязаны к монотеизму в своем мировоззрении, а менее культурные (башкиры, чувашаи), очевидно, слабее усвоили монотеистическое мировоззрение. У башкир в народной памяти сохранился пантеон демонологии, вера в духов-хозяев, покровителей урочищ, гор, ейд (*тауейгхе*), пещер (*том кыумыш*), рек, озер и т. п. Существовала вера в хозяина ветра (*идрейе*), царя ветра (*дейец идрейе*). Сохранилась вера в домового (*йорт эйгхе*), лешего (*шурале* или *ярымтык*), водяного (*гему эйгхе*). Полянки в глухих лесах, по представлению башкир, были заселены бесенятами (*бисура*). Кроме того

существовали «алтасты» и «шайтан», причинявшие вред человеку. Посредником между человеком и духами, особенно злыми, был колдун (*сихырсы*). Чувашаи также сохранили веру в «керемети» и других духов-хозяев, населяющих и владеющих окружающей человека природой.

Между служителями культа христианства и ислама с одной стороны, и пантеоном демонов с другой, существует антагонизм. Как мы уже убедились, на языческом молении о дожде у башкир и адыгейцев, мулла не только не присутствовал, но и осуждал этот обряд. Демон-духи в свою очередь находятся во вражде с муллами. Так, из рассказа башкира из рода катайцев видно, что болезнь скота надо умиловить приглашением в баню и при этом не следует совершать молитву, так как она «могла только испугать разгневанную болезнь»**. Болезнь скота, в данном примере, одухотворяется, и она может явиться в виде сороки.

По мусульманскому мировоззрению башкир, аллах всевидящий, всезнающий и всемогущий и поэтому, если он решил наказать правоверных за какие-то грехи, то это будет осуществлено не взирая ни на какие мольбы. Поэтому правоверные решаются вызывать магическим приемом дождя. В этом случае земледельцы не выпрашивают дождь у адыгейского бога грома (*шибле*) или у славянского «перуна», чувашского «керемети», а сами магическими средствами вызывают его. Основным законом магии является имитация: «Подражая явлению природы или выполняя действие, которое должно было, по мнению земледельца, оказать влияние на природу, человек полагал, что она после выполненных действий не может оставаться безучастной. Имитативность приемов принудила природу выполнить обмен действий и заставила ее послать сторицей результат, который преследовал выполнявшийся магический ритуал»***.

* В. Б. Антонович. Колдовство. «Труды этногр.-статист. экспедиции в Западно-русский край», т. 1, вып. 2, Спб., 1877, стр. 336–338.

** С. И. Руденко, ук. соч., стр. 26.

*** Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин. Т. 1. П-д, 1916, стр. 191.

Следует отметить, что культовые обряды, например о дожде, будь-то у мусульман, христиан или анимистов, всегда совершались коллективно земельными общинами. Иногда для совершения этих молений и молебнов собирались по несколько обществ. Поля же, для которых испрашивался дождь, находились в индивидуальном пользовании отдельных хозяйств. Это указывает на сохранение древней традиции возникновения этих обрядов, в то время, когда и земледелие носило коллективный характер.

Совершенно иную картину приходится наблюдать и не только в Башкирской АССР, но и вообще в СССР, после перехода индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозы. Возврат к коллективному производству не только не укрепил выполнение коллективных культов и обрядов, а напротив — ликвидировал их полностью. Чем же это объясняется? Сыграло свою роль отделение церкви от государства, и поэтому власть больше не только не поддерживала этой традиции, но морально осуждала ее. Произошло полное отмирание культов, поверий и обрядов в сельскохозяйственном производстве. Большое значение имело поднятие культурного уровня крестьян-колхозников, решающим фактором, видимо, было то, что в колхозном производстве ответственными за урожай стали прав-

ление колхоза и агроном. Эти руководители, в силу своего мировоззрения, научно-политической подготовки и обязанности идти в ногу с партийно-правительственными директивами, полностью отвергали старинный крестьянский взгляд на зависимость урожая от соблюдения культов, поверий и обрядов. Они убеждены, что урожай целиком зависит от научного ведения агротехники и хозяйства.

Если старинные сельскохозяйственные поверья и обряды культового содержания больше не соблюдаются, то старинный же праздник *сабан-туй*, посвященный окончанию полевых работ, продолжает свое многовековое существование. В 1929 г. мне довелось присутствовать на одном из этих праздников *. И уже тогда было видно, что *сабан-туй*, приобретая новые для праздника современные элементы, будет существовать и в дальнейшем. Теперь *сабан-туй* носит не только местный характер, но приобрел общенародный. Новое в нем уже тогда было и состояло в демонстрации приобретения сельским обществом противопожарного оборудования. Село в этом давно нуждалось и [с]могло осуществить это приобретение лишь в 1929 г.

* А. Бежкович. Сабан-туй. «Вокруг света», 1930 г., № 13, стр. 9–11.